

18+

ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

М
ЯТЕЖНЫЙ ВЕК
От Якова I до Славной революции

Питер Акройд Мятежный век. От Якова I до Славной революции

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64759351

П. Акройд. Мятежный век. От Якова I до Славной революции: ООО

«Издательская Группа «Азбука-Аттикус»; Москва; 2021

ISBN 978-5-389-19640-7

Аннотация

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

В фокусе этой книги – период английской истории, который ознаменовался правлениями Якова VI (Якова I), ставшего после смерти Елизаветы I первым Стюартом на английском престоле, и Карла I; двумя гражданскими войнами, победой парламента, промышленной революцией; протекторатом великого полководца

Оливера Кромвеля, реставрацией Стюартов, правлением Карла II и, наконец, Якова II, свергнутого в результате Славной революции. На страницах живо предстает бурный XVII век с его политическими перипетиями и богатой культурной жизнью, примечательной литературой, включающей поздние шедевры Шекспира, якобитские трагедии, поэзию Джона Донна и Джона Мильтона, а также философский трактат Томаса Гоббса «Левиафан». Как это свойственно сочинениям Питера Акройда, в книге дается широкое представление о жизни обычных английских подданных на фоне постоянных социально-политических потрясений и неопределенности. Многогранное историческое повествование прекрасно дополняют 36 иллюстраций на цветной вклейке.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

1. Новый Соломон	7
2. «Пороховой заговор»	27
3. Путеводные звезды	48
4. Бог богатства	52
5. Ангелоликий Стини	65
6. Лондонские испарения	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Питер Акройд

Мятежный век. От Якова I до Славной революции

Peter Ackroyd

The History of England. Volume III. Civil War

© Peter Ackroyd, 2014

© Строганова О. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

* * *

Великолепная книга. Питер Акройд продолжает рассказывать историю Англии, уделяя равное внимание как событиям государственной важности, так и деталям повседневной жизни.

The New York Times Book Review

Слаженное повествование. Благодаря примечательным деталям история Англии предстает в доступном и увлекательном виде.

Independent

Детальная, прекрасно написанная история взлета и падения Стюартов.

Kirkus

Автор мастерски прослеживает характер и мотивы главных движущих сил основных событий, подробно описывает развитие литературы, непрекращающиеся религиозные распри, политические интриги и их влияние на жизнь простых граждан.

Booklist

В этом рассказе впечатляют глубина и детальность и вместе с тем доступность изложения.

Publishers Weekly

1. НОВЫЙ СОЛОМОН

Сэр Роберт Кэри во весь опор скакал из Лондона в Эдинбург по Великой Северной дороге. Одну ночь он провел в Йоркшире, другую – уже в Нортумберленде и появился во дворце Холируд «весь в синяках и ссадинах от серьезных падений». Он проскакал более 530 километров. Был поздний вечер субботы 26 марта 1603 года, но его сразу проводили в покои короля Шотландии Якова VI. Преклонив колена, сэр Кэри объявил его «королем Англии, Шотландии и Ирландии». В подтверждение подлинности известия он предъявил кольцо с сапфиром, брошенное ему сестрой, леди Скруп, из окна Ричмондского дворца сразу после кончины Елизаветы I. «Вот, – сказал Кэри своему новому монарху, – синее кольцо от прекрасной дамы».

«Этого достаточно, – согласился Яков, – вы надежный вестник». Король сам заранее вручил это кольцо леди Скроуп как условный знак на случай смерти королевы.

Толпа прелатов и пэров Англии тем временем встретила у ворот Уайтхолла сэра Роберта Сесила, главного советника старой королевы. Оттуда все они проследовали к Чипсайдскому кресту, где Сесил провозгласил Якова королем. Огни праздничных костров и благовест церквей ознаменовали быструю и спокойную передачу власти. Сам Сесил заявил, что «провел корабль короля Якова в нужную гавань,

избежав волн и течений, которые могли опрокинуть судно». Советник вступил в тайную переписку с Яковом, как только Елизавета слегла, он побуждал шотландского короля хранить «твердость сердца в мире мягкости».

5 апреля Яков покинул Эдинбург и отправился в свое новое королевство. Он был шотландским монархом тридцать шесть лет, оказавшись на троне в возрасте тринадцати месяцев от роду после вынужденного отречения от престола его матери королевы Шотландии Марии Стюарт. Яков был успешным, если не выдающимся правителем, умело обузды- вающим амбиции склонного к раздорам духовенства и бо- лезненно самолюбивой знати. Из-за своенравного и воин- ственного духа шотландских лордов он, по словам француз- ского посла, с раннего детства жил в постоянном страхе. Тем не менее хитростью и изворотливостью Якову удалось удер- жать на своей голове корону Шотландии. Теперь, как гово- рил король своим приверженцам, перед ним лежит Земля обетованная. Он уже отослал Совету в Вестминстере прось- бу о деньгах, не имея средств на достойное путешествие на юг.

Наверное, Яков не ожидал от новых подданных столь го- рячего и радушного приема. Позже он вспоминал: «Самые разные люди бросали дела и бежали, даже неслись мне на- встречу». Они собирались толпами, дабы разглядеть короля, поскольку никто еще не жил при правлении монарха муж- ского пола. Самого же Якова поразило процветание страны

и очевидное богатство ее властей. Впоследствии он изрек, что первые три года на новом троне прошли для него «как Рождественский праздник». До Лондона король ехал целый месяц, в основном потому, что не хотел присутствовать на погребении своей предшественницы. Он не испытывал особой любви к Елизавете: она тянула с признанием его прав престолонаследия и (что, по-видимому, важнее) отдала приказ о казни его матери.

В середине апреля Яков достиг Йорка, куда встречать его прибыл Сесил. «Пусть вы всего лишь маленький человек, – объявил ему король, – мы уверенно возложим на ваши плечи большое дело». В городе Ньюарк-он-Трент Яков распорядился немедленно повесить карманного вора, посягнувшего на достояние членов королевской свиты, – король недостаточно хорошо знал законы общего права Англии. Во многом он еще оставался чужестранцем. В Бёрли-бай-Стамфорд Яков упал с лошади и сломал ключицу, продвижение к Лондону замедлилось. Три-четыре дня король отдыхал в Хартфордшире в загородном особняке Роберта Сесила Теобальдс-Хаус, где с наслаждением возвел в рыцарское достоинство значительное количество подданных.

Яков оказался настолько щедр на титулы, что его обвинили в расточительстве. За все время правления Елизаветы появилось 878 новых рыцарей, а в течение всего четырех первых месяцев при новом короле этой чести удостоилось 906 человек. Королева Елизавета даровала дворянство тем, кто,

с ее точки зрения, имел реальные заслуги или достоинства; король Яков считал это просто знаком положения в обществе. Говорят, что однажды он посвятил в рыцари кусок говядины со словами «Вставайте, сэры Филей». В другой раз он не расслышал имя посвящаемого и сказал: «Прошу, поднимайтесь и называйте себя – сэры Кто угодно». Остальные титулы можно было приобрести за деньги. Снижение значимости всех титулов стало одним из первых изменений в старой тюдоровской системе.

Те, кто получал возможность увидеть короля, вряд ли оставались при хорошем впечатлении. Яков был неуклюж, с кривоватыми ногами и нетвердой походкой – вероятно, вследствие перенесенного в детстве рахита. По свидетельству одного, правда, враждебно настроенного к королю очевидца, сэра Энтони Уэлдона, Яков постоянно «теребил свой гульфик».

Он был интересным собеседником, здравым и красноречивым, которому явно нравился звук собственного голоса. Однако впечатление от его речей для английского слушателя, наверное, портил тот факт, что король сохранял сильный шотландский акцент. Когда ему хотелось поговорить, он становился смешлив. Нередко проявлял остроумие, а шутки произносил мрачным глубокомысленным тоном. Манеры Якова были небезупречны: про него говорили, что он некрасиво ест и пьет, распускает слюни. Нарядам король уделял мало внимания, но любил камзолы на толстой подкладке, ко-

торая могла защитить от клинка убийцы – с самого детства он страшился нападения или убийства. Поговаривали, что у него фобия обнаженного холодного оружия. Тревожный блуждающий взгляд Якова особо привлекали к себе те люди при дворе, кто был ему незнаком.

7 мая Яков уже приближался к Лондону. Почти в 6,5 километра от города его встретили лорд-мэр и множество горожан. Четыре ночи он провел в Чартерхаусе, затем направился в Тауэр, где оставался несколько дней. Обустроившись в королевских покоях, Яков предпринял волнующее турне по столице, как сообщает современник, «скрытно в карете и по воде». Особенно его поразило зрелище королевских драгоценностей, хранившихся во дворце Уайтхолла, – несомненное сияющее воплощение его нового богатства.

Однако Лондон тогда вовсе не был местом для веселья. Именно в это время по улицам и переулкам города начала свой поход чума, к концу лета она собрала жатву в 30 000 жизней. Большой торжественный въезд в столицу планировался на 25 июля, день коронации, однако боязнь заразной толпы сократила церемонию: коронация состоится, но никакой торжественной процессии не будет.

Уже в самые первые месяцы правления Якова против него начали строить заговоры. Группу аристократов, в которой кроме прочих состояли сэр Уолтер Рэли и Генри Брук, лорд Кобэм, заподозрили в замысле низложить Якова и возвести на престол его двоюродную сестру Арабеллу Стюарт. Как и

большинству заговоров, этому плану помешали слухи, колебания и быстрое разоблачение. Рэли арестовали и заключили в Тауэр, где через две недели он попытался совершить самоубийство. На последовавшем суде генеральный прокурор короны, сэр Эдвард Кок, объявил его «адским пауком».

Рэли. Вы говорите неразумно, нецивилизованно и неприлично.

Кок. Мне нужны слова, достаточные, чтобы описать твои изменнические действия.

Рэли. Вам действительно нужны слова, потому что вы повторяете одно и то же уже несколько раз.

Так завершился «Основной заговор». Был раскрыт и «Второстепенный заговор», по которому короля планировалось похитить и вынудить приостановить действие законов против католиков. Он закончился ничем, – разумеется, не считая смерти его вдохновителей.

Подошло время официальной, пусть и не пышной, коронации Якова. Архиепископ Кентерберийский провел быструю церемонию в присутствии приглашенных зрителей. Супруга Якова, Анна Датская, согласилась принять корону от архиепископа, однако, как истинная католичка, отказалась перейти в протестантство. Имея мягкий и покладистый нрав, она не создавала никаких проблем на протяжении правления своего мужа. Ее духовник однажды заметил, что «сам король

– воздержанный человек, а в королеве мало что может вызвать в нем страсть; они исполняют супружеские обязанности без бесед друг с другом». После церемонии королевская семья покинула зачумленный Лондон ради более здорового сельского воздуха. В августе Яков и Анна совершили первую «королевскую поездку»: начали с Винчестера и Саутгемптона, а затем повернули на север в Оксфордшир, следуя примеру прославленной предшественницы Якова.

Однако к этому времени король уже заложил основы своего двора и Совета. Главным образом он позаботился вознаградить шотландскую знать самыми важными постами в личной королевской свите. Точка опоры при дворе переместилась на службу королевской спальни, практически полностью укомплектованную лицами, последовавшими за Яковом из родной страны. Это обстоятельство вызывало недовольство и тревогу среди английских придворных: говорили, что шотландские лорды, словно горы, заслоняют англичан от лучей королевской милости. Но была также образована новая служба личных покоев, состоявшая наполовину из шотландцев, наполовину из англичан. Король наслаждался ролью «умиротворителя», и такой паритетный состав наглядно демонстрировал его умение поддерживать равновесие.

Среди английских членов Совета первенством наслаждались сэр Роберт Сесил и Говарды. Генри Говард, граф Нортгемптон, в начале 1604 года получил назначение на пост губернатора Пяти портов, а годом позже стал лордом – хра-

нителем Малой государственной печати. При Елизавете он слал в Эдинбург «бесконечные тома» советов, которые Яков называл «азиатчиной». Томас Говард, граф Саффолк, удостоился должности лорд-камергера. Сесил, вскоре получивший титул виконта Кранборн, а затем графа Солсбери, в действительности превзошел всех. Он был маленького роста и горбат, но заметно возвышался над остальными. Король сказал ему: «Видит Бог, я считаю вас лучшим слугой из всех, что у меня были, пусть вы и не больше гончей». Яков часто называл Сесила «мой маленький бигль¹». Роберт Сесил руководил парламентом и управлял государственными доходами, занимался Ирландией и вел все международные дела. Он был неутомим, в высшей степени продуктивен и всегда неизменно учтив: терпеливо переносил все оскорбительные замечания по поводу своей внешности. Сесил был ведущим государственным деятелем, и его двоюродный брат Фрэнсис Бэкон однажды сказал, что, возможно, Роберт в состоянии не допустить ухудшения общественных дел, но он не может их улучшить. Пожалуй, это было слишком сурово – Сесил обладал глубоким политическим мышлением, – однако Генри Говард наступал ему на пятки.

Елизаветинский Совет состоял из тринадцати членов, Яков в скором времени удвоил его состав, но сам с большим удовольствием уклонялся от заседаний Совета. Ему нрави-

---

¹ Бигль – порода английской гончей. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

лись приватные дискуссии в уединении собственной спальни с последующей передачей полномочий. Он предпочитал частные встречи, во время которых его остроумие и здравый смысл могли компенсировать нехватку представительности. Кроме того, король не любил Лондон и всегда с радостью уезжал поохотиться куда-нибудь подальше. Как-то с выезда Яков написал советникам самодовольное письмо, посетовав, что они «жарятся в адских муках» над делами королевства. Тем не менее он наносил в столицу короткие и неожиданные визиты, когда его присутствие считалось необходимым; говорил, что появляется «как вспышка молнии: приезжает, освещает и снова исчезает».

Дворец Уайтхолл представлял собой широко раскинувшееся скопление зданий: примерно 1400 залов для приемов, кабинетов, личных покоев и галерей. Это было место секретных встреч и тайных свиданий, подготовленных столкновений и внезапных ссор. Естественная обстановка для представления сатир Джона Донна, двух пьес из жизни Римской империи Бена Джонсона о природе честолюбия и испорченности, а также жанра маски в пору его расцвета. Балы или театральные развлечения устраивались там практически через день.

К тому же королевский двор служил главным местом размещения коллекции Томаса Говарда, графа Арундела, состоящей из чертежей Палладио, работ Гольбейна, Рафаэля и Дюрера. Влиятельные лорды и придворные тоже строи-

ли себе изысканные резиденции в Одли-Энде, Хартфилде и других местах. Граф Нортгемптон украсил свой особняк на улице Стрэнд в Лондоне турецкими коврами, брюссельскими гобеленами и китайским фарфором; кроме того, он имел коллекции глобусов и карт всех основных государств. Таков был расцветающий мир якобитства.

В начале своего правления, по пути из Эдинбурга в Лондон, Яков получил петицию. Под этим прошением его подданных-пуритан, известным под названием «Петиция тысячи», стояли подписи тысячи представителей духовного звания. В сдержанных выражениях королю предлагалось удалить из таинства крещения крестное знамение, отказаться от свадебных колец, «поправить» слова «священник» и «отпущение грехов», ликвидировать обряд конфирмации, не «настаивать» на шапочке и саккосе, облачении клириков англиканской церкви.

Король поистине обожал богословские прения: они давали ему возможность демонстрировать собственные познания. Соответственно, в качестве своего первого значительного деяния на троне Яков решил собрать группу духовных лиц во дворце Хэмптон-Корт² для обсуждения вопросов религиозной политики и церковных правил. Пять известных высокообразованных пуританских пресвитеров были проти-

---

² Хэмптон-Корт (Hampton Court) – великолепная королевская резиденция на берегу Темзы недалеко от Лондона.

вопоставлены ведущим священникам королевства, в число которых входили архиепископ Кентерберийский и восемь епископов.

Это была пора религиозных разногласий, пророчивших грядущие гражданские войны. Позицию епископов разделяли те, кого в целом устраивали догматы и обряды государственной Церкви. Они придерживались умеренных взглядов и принимали союз Церкви с государством. Эти люди больше надеялись на общее богослужение, чем на частную молитву; признавали роль традиции, опыта и рассудка в духовных делах. Хотя англиканство еще сформировалось не окончательно, оно служило объединению людей с неуверенной или слабой верой. Оно также подходило тем, кто просто хотел жить в ладу с ближними.

На сторону пуритан встали люди, более сосредоточенные на требованиях собственной совести. Они считали человека изначально греховным, а спасения ждали только от милости Господней. Они отвергали практику исповеди и поддерживали активный самоанализ поведения и строгую дисциплину. Пуритане хотели иметь дело не с епископатом, а с выборными старейшинами-проповедниками. Источником всей Божественной истины они почитали слово Священного Писания и верили в Промысел Божий. И мужчины, и женщины пуританской традиции полностью подчиняли себя воле Божией, и никакой обряд не мог заставить их сойти с выбранного пути. Это придавало им усердие и энергию в по-

пытках очистить от скверны существующий мир и, как сформулировал один пуританский богослов, дарило «праведное неистовство в исполнении своего долга». Иной раз они говорили, как чувствовали, не стесняясь в выражениях. Считалось (совершенно несправедливо), что пуритане Бога любят всей душой, а всем сердцем ненавидят ближнего.

На том этапе, однако, эти две стороны не были противоборствующими конфессиями, скорее их следует рассматривать как различные движения внутри одной Церкви: первое официальное столкновение между представителями разных направлений произошло зимой в Хэмптон-Корте. В первый день конференции, 14 января 1604 года, король ограничился разговором со своим священством. Яков обсудил с епископами изменения, предлагавшиеся в «Петиции тысячи». На второй день во дворец пригласили пуританских богословов. Первым слово получил Джон Рейнольдс. Он стал доказывать, что Англиканская церковь должна более последовательно принять кальвинистскую доктрину. Епископ Лондонский Ричард Бэнкрофт немедленно вмешался. Он опустился перед королем на колени и заявил, что «нужно соблюдать канон предков». Под этой формулировкой Бэнкрофт подразумевал, что «раскольникам» не следует позволять возвышать голос против епископата. Яков позволил продолжить дискуссию по конкретным вопросам.

В последовавших затем дебатах король повел себя прозорливо и рассудительно. Он отверг требование пуритан об

углублении кальвинизма, но с интересом встретил их предложение создать новый перевод Библии. Этот запрос в итоге привел к великолепному результату в виде уточненного перевода Библии, авторизованного королем Яковом. Затем пуританские представители обсудили проблему подготовки знающих старейшин-пресвитеров и трудностей в работе с вопросами личного сознания. Король стремился уступать пуританам в определенных моментах, искренне веря, что умеренная политика, «средний путь», поддержит единство внутри Церкви. В зимнюю стужу камин Хэмптон-Корта ярко пылал, а король, епископы и даже делегаты пуритан кутались в меха.

Все, казалось, шло без серьезных осложнений, пока Рейнольдс не заговорил о том, что епископам королевства следует советоваться с пресвитерами. Вот тут король взвился. Слово «пресвитер», название старшего в христианской церкви, вызывало в нем неприятные ассоциации. В прежние времена его выводили из себя пресвитерианские теологи Шотландии, которые не всегда относились к его величеству с должным уважением: они тяготели к республиканству и даже эгалитаризму. Один из них, Эндрю Мелвилл, в лицо называл Якова «глупым рабом Божиим».

Теперь Яков сказал Рейнольдсу и его товарищам, что они, похоже, ориентируются «на шотландскую пресвитерию, которая так же мало согласуется с монархией, как Господь с дьяволом». Он добавил, что их позиция означает следующее:

«Джек и Том, Уилл и Дик будут собираться и на свое усмотрение судить меня, мой Совет и все наши решения». Свою речь король завершил рекомендацией Рейнольдсу: «Пока вы не обнаружите, что я обленился, оставьте меня в покое». С того момента его девизом будет «Нет епископа – нет и короля». Когда пуританские делегаты удалились, Яков заметил: «Если это все, что они хотели сказать, я заставлю их подчиниться или вышвырну из страны, а то и сделаю с ними что-нибудь похуже».

Два дня спустя король вызвал епископов для дальнейшего разговора, затем снова пригласил пуритан и приказал им в целом принять традиционный требник Англиканской церкви Книга общих молитв, переизданный сорок пять лет назад. Конференция завершилась. Предстоящий перевод был замечательным плодом этого предприятия, однако в целом встречу в Хэмптон-Корте нельзя считать большим успехом. В итоге обозначилась проблема: судя по всему, в стране существует не одна национальная Церковь, а как минимум две с разными смыслами и целями.

Король, как обычно, остался доволен своим выступлением в Хэмптон-Корте. «Я отлично задал им перцу», – резюмировал Яков. Епископы сказали ему, что он звучал очень убедительно. «Не знаю, что они имели в виду, – написал сэр Джон Харингтон своей жене, – но общая атмосфера была довольно оскорбительной». В один момент король произнес: «Еще не хватало! Да я лучше отдам ребенка крестить обе-

зьяне, чем женщине». К тому же он одергивал пуритан замечаниями типа «Кончайте распускать сопли!».

Тем не менее во многих отношениях Яков был сведущим человеком. Всю свою жизнь он сражался и полемизировал с шотландским духовенством. Он почти наслаждался богословскими дебатами. Один из его слушателей написал: «Король четко мыслит, здраво судит и имеет цепкую память». Кроме того, Яков считал себя мастером пера и написал целые тома о демонологии, монархии, чародействе и табакокурении. На медали к восшествию на престол его изобразили увенчанным лавровым венком – явный признак литературных притязаний короля. Он даже ответил на опубликованные против него «бранные стишки» собственным нескладным стихотворением. В 1616 году Яков выпустил полное собрание своих прозаических сочинений форматом инфолио и стал первым английским монархом, сподобившимся на такое дело. В конце концов его стали величать – иной раз саркастически – «британским Соломоном».

Архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт в то время доживал свои последние дни. Он понимал, что результат Хэмптон-Кортской конференции никоим образом не положил конец религиозным распрям. Ему было хорошо известно, что в парламенте, который скоро должен был собраться, есть много лордов и дворян с пуританскими убеждениями. За четыре дня до начала работы парламента 19 марта 1604 года Яков I решил с помпой проехать по столице. Теперь,

когда угроза чумы исчезла, было заявлено: народ собрался из каждого «графства, района, города и деревушки», чтобы воздать хвалу новому монарху. На пути торжественной процессии от Тауэра к Уайтхоллу возвели семь триумфальных арок в стиле времен Римской империи. Однако пышность не у всех вызвала восхищение.

Собравшийся многочисленный парламент намеревался присмотреться к новому королю. В своей вступительной речи Яков высказал несколько замечаний по поводу ситуации с религией и покритиковал пуритан за «постоянное недовольство существующим правительством». Когда стало ясно, что членов палаты общин гораздо больше интересуют вопросы вызывавших протесты короля парламентских привилегий, Яков пожурил их, «как отец своих детей». Вскоре появились и другие основания для взаимного раздражения.

Возник спор вокруг выборов депутата от графства Бекингемшир, и последовавшая дискуссия настроила короля против парламента. 5 апреля спикер передал послание от Якова о том, что он «как самовластный правитель» повелевает, чтобы дело решалось на переговорах между членами палаты общин и судьями канцелярии. Уже долгие годы ни один монарх не разговаривал с парламентом в подобном тоне. После такого запелляционного требования воцарилось изумленное молчание, затем поднялся один депутат и проговорил: «Приказ принца как удар молнии, его обращение к нашей верности звучит словно рык льва, и кто сможет здесь проти-

воречить ему?»

Возможно, главной причиной стал все-таки другой пассаж. В середине апреля был поставлен вопрос об унии Англии с Шотландией и принятии Яковом титула короля Великобритании. Предполагалось, что в сложившихся обстоятельствах дело будет чистой формальностью. Однако убедить членов палаты общин оказалось не так уж легко. Какого рода предлагается союз? Экономический? Конституционный? Какими законами будет управляться эта «Британия»? Не исключено нашествие шотландцев, которые захватят все посты и награды. Как может общее право Англии совместиться с законными традициями Шотландии и даже с таможенным уложением Ирландии?

Сам король был категоричен. «Я муж, – заявил он, – и весь Остров моя законная жена. Я голова, а он мое тело. Неужели вы хотите, чтобы я стал многоженцем и имел двух разных жен?» Прения длились весь следующий год, в формулировке короля, «со многими столкновениями, долгими дебатами, странными вопросами и нулевым результатом». Яков видел в своем воображении единое королевство с одним законодательством, одним языком и общей верой, однако реальная ситуация того периода сделала цель недостижимой. Англичане, например, требовали, чтобы шотландцы платили такие же налоги, как в Англии, а те возражали, ссылаясь на бедность населения Шотландии. Члены палаты общин пришли к согласию: «Мы не в состоянии создать законы, кото-

рые связали бы *Британию*... давайте продвигаться малыми шагами». Заинтересованность короля в этом проекте была так же велика, как и его бешенство в отношении противников унии.

Затем парламент переключил свое внимание на церковные дела, в частности на итоги конференции в Хэмптон-Корте. Именно здесь, как мы знаем, архиепископ Джон Уитгифт ожидал проблем от многочисленных джентри³ пуританских убеждений, которые уже заняли места в парламенте. К концу мая палата общин внесла два законопроекта. Один билль был направлен против плюралистов и нерезидентов. К таким людям, которые имели более одного церковного прихода или были склонны безответственно относиться к своим обязанностям, принадлежали некоторые из самых известных членов государственной Церкви. Предвзятость членов палаты общин не оставляла сомнений. Второй билль выражал желание иметь «образованное и благочестивое духовенство», что полностью совпадало с желанием пуритан.

Король злился, и в качестве обоснования парламентская комиссия разработала «Апологию», которую представила членам палаты общин 20 июня. В «Апологии» защищались такие права парламентариев, как свобода слова и физическая неприкосновенность; заявлялось: «Наши привилегии и свободы – наше неоспоримое право и законное наследие не

---

³ Джентри (gentry) – мелкое и среднее английское дворянство (чаще всего нетитулованное).

меньше, чем наши земли и имущество». Наверное, это был парламентский способ познакомить шотландского короля с особенностями конституции Англии. В другой статье документа констатировалось: «Ваше Величество ввели в заблуждение, если кто-либо говорил Вам, будто английские короли имеют абсолютную власть, могут по собственному усмотрению вносить изменения в религию... или издавать какие-либо законы о религии без согласия парламента». «Апология» так и не была передана королю. По всей видимости, большинство членов палаты общин отвергло документ, посчитав его слишком смелым.

Однако нет никаких сомнений, что Яков узнал об этой «Апологии». Его возмутил и смысл документа, и дерзость слога. 7 июля король назначил перерыв в работе парламента, а в своей речи отчитал некоторых членов палаты общин, назвал их «пустоголовыми суетливыми осведомителями, которые лезут не в свое дело». Он говорил, что в Шотландии его слушали с уважением, а здесь «с утра до вечера стараются найти дефекты в королевских суждениях». В Шотландии «все, что исходило [от него], выполнялось. Здесь же все подвергается сомнению». И добавил: «Многие вещи вы сделали непродуманно, хотя я не говорю, что вы демонстрировали нелояльность». А в заключение посоветовал: «Мое единственное пожелание вам – лучше заботиться о форме. Я люблю форму так же, как содержание». Наверное, Яков ждал поддержки Ричарда Бэнкрофта, недавно ставшего ар-

хиепископом Кентерберийским. Бэнкрофт был убежденным сторонником королевской прерогативы и не любил пуритан. Тем не менее архиепископ направлял Собор высшего духовенства к соблюдению общих догматов Англиканской церкви. Каноны 1604 года ничего не дали пуританам, а потребовали, чтобы они подчинились Книге общих молитв и «39 статьям»⁴. Пресвитеры пуритан должны были либо смириться, либо получить отрешение от должности. Более жестокие наказания, по правде говоря, применялись очень редко, однако эти меры ознаменовали первый раскол в истории реформатской Англиканской церкви.

Итак, король Яков I мало или практически ничего не достиг с помощью парламента и самым неприятным образом объявил перерыв в его работе. Позже он заявил, что это было тело без головы. Говорят, что он произнес и такие слова: «На их заседаниях только вопли, крики и полный беспорядок. Удивляюсь, как мои предшественники вообще позволили появиться такому институту». Вероятно, это мнение разделяли и другие люди. Зимой 1604 года Томас Перси арендовал дом возле дворца Вестминстер и (с помощью Гая Фокса и остальных заговорщиков) начал рыть подземный ход.

---

⁴ «39 статей» (the Thirty-Nine Articles) – свод догматов Англиканской церкви, принятый в 1571 г. при королеве Елизавете.

2. «Пороховой заговор»

В первые годы правления Якова I провозглашали Юлием Цезарем, царем Давидом, Ноем, царем Иоасом и даже Гомером. Он был вторым Августом, настоящим Иосией, мудрым и набожным монархом. Сложно понять, что может означать такое запутанное богатство сравнений, но одна добродетель короля вскоре вышла на первое место. Его стали называть *Rex Pacificus*, или Яков-миротворец. Миротворца славословили. Его правлению ничего не угрожало.

Однако не всем хватало радостей мира. «Нет, нет, – как считается, сказал Яков по окончании коронации, – паписты теперь нам не понадобятся». В трудные моменты он искал расположения католиков, а теперь получил возможность избавиться от них. В феврале 1604 года иезуитские священники, полностью подчинявшиеся Риму, были изгнаны из королевства. Наверное, этот шаг стал разумной мерой предосторожности, однако пламенные католики восприняли его как угрожающий знак.

К таким людям принадлежал Томас Винтер (или Винтур), который от лица английских католиков безуспешно обращался за поддержкой к испанскому королю Филиппу III. В том же феврале 1604 года Томас приехал в Ламбет⁵ к двою-

---

⁵ Ламбет (Lambeth) – тогда местечко к северу от Лондона, теперь один из 14 районов столицы.

родному брату Роберту Кейтсби. Кейтсби, по всей видимости, перешел из протестантства в католичество, и поэтому римский огонь горел в нем особенно ярко. Скорее именно он, а не Гай Фокс руководил заговором, который стал известен под названием «Пороховой». Кейтсби рассказал кузуну о своем грандиозном плане взорвать парламент при помощи пороха, но для исполнения замысла ему требовались союзники. В апреле Винтер съездил во Фландрию, откуда и привез с собой Фокса. С этого момента мы можем называть их заговорщиками. «Джентльмены, мы будем только разговаривать, – сказал Томас Перси, – и никогда не перейдем к делу?» В следующем месяце они принесли клятву соблюдать секретность, а затем отправились в дом позади церкви Святого Климента на Истчипе, где встретились с иезуитом по имени Джерард и приняли из его рук причастие.

Было решено, что нужно найти помещение в удобной близости от парламента, но подходящее здание подвернулось только в начале декабря. 11-го числа заговорщики въехали в дом с припасами из сваренных вкрутую яиц и запеченного мяса. К Рождественскому сочельнику они сделали подкоп: по словам Томаса Винтера, «делали узкий подход к стене парламента и по мере продвижения укрепляли его деревянными стойками». Предполагалось, что следующая парламентская сессия начнется в феврале 1605 года, но тут стало известно, что заседания отложены до следующего октября. Времени заговорщикам прибавилось. Порох запасли у

Кейтсби в Ламбете и, соблюдая строжайшую секретность и условия безопасности, доставили в дом в Вестминстере. Им уже удалось практически справиться с 9-футовой стеной, как их работе помешала вода.

Вскоре после приобретения пороха заговорщики услышали сверху какое-то движение. Фокс вышел на улицу и внимательно осмотрелся. Ему встретилась торговка углем Эллен Брайт, она рассказала, что съезжает из своего помещения. Так случилось, что подвал, где она хранила уголь, находился прямо под самим зданием парламента. Они быстро заключили сделку. Томас Перси, другой заговорщик, взял в аренду освободившееся пространство. Железную решетку между подвальным этажом дома заговорщиков и складом миссис Брайт открыли, и Фокс получил возможность тайно перетащить в соседний подвал около тридцати шести бочонков с порохом. Этого количества пороха было достаточно, чтобы уничтожить тысячи людей.

К сентябрю они переправили новые бочонки пороха, чтобы заменить те, что пострадали от сырости. Однако финансы истощались, и участники заговора сочли разумным включить в свои ряды еще трех состоятельных людей. Таким образом, о заговоре узнало уже тринадцать человек, появилось тринадцать возможностей выдать тайну. Один из новобранцев, Фрэнсис Трешем, очень просил избавить от общей участи мужа его сестры, лорда Монтигла. Монтигл был верным католиком и уже защищал свою Церковь в палате лордов.

Другие заговорщики возражали против такого исключения, как бы оправданно оно ни было. 26 октября Монтигл сидел за роскошно сервированным ужином в своем доме в Хокстоне, когда посыльный доставил ему письмо. Лорд взглянул на послание, а потом попросил одного из джентльменов зачитать его вслух.

«Милорд, из любви, которую я питаю к одному из ваших друзей, пишу, чтобы охранить вас. Советую, если вам дорога жизнь, изобрести предлог не присутствовать на заседании парламента...» Так начиналось это письмо. Затем аноним продолжил уточнением, что присутствующие в парламенте «получат страшный удар, но не увидят, кто их ранит». Монтигл тут же отправился в Уайтхолл с письмом в руке. Он нашел Роберта Сесила, уже получившего титул графа Солсбери. Он ужинал с несколькими членами Тайного совета.

Монтигл вызвал Солсбери в соседнюю комнату и показал ему полученное послание. Поначалу граф был склонен считать дело ложной тревогой, но, посоветовавшись с коллегами, стал обсуждать возможность нанести «страшный удар» при помощи черного пороха. Лорд-камергер граф Саффолк в малейших подробностях знал помещение парламента, в частности, ему было известно об обширных сырых подвалах под зданием. Он и другие члены Тайного совета согласились, что подвалы нужно обследовать до начала сессии, которую еще раз перенесли на 5 ноября, однако они не хотели действовать слишком поспешно, чтобы не спугнуть заговорщи-

ков.

Король развлекался охотой в Ройстоне. Когда в начале ноября он вернулся в столицу, ему показали письмо. Яков сразу согласился, что имеется в виду «какая-то хитрость с огнем и порохом». Во второй половине дня в понедельник 4 ноября Саффолк и Монтигл начали свое обследование под предлогом, что ищут какое-то королевское имущество. Дверь подвала открыл Гай Фокс.

Саффолк. Кому принадлежит этот уголь и хворост?

Фокс. Мистеру Томасу Перси. Он пансионер его величества.

Томас Перси, конечно, был известным католиком, да еще во времена, когда существовал страх перед недовольством католического населения. Король приказал провести дальнейший и более тщательный осмотр. В одиннадцать часов вечера в подвал спустился член магистрата Вестминстера сэр Томас Ниветт с несколькими солдатами. Дверь снова открыл Гай Фокс. Ниветт начал разбрасывать уголь, вязанки хвороста, и тут обнаружили бочонки с порохом. Фокс не делал попыток бежать или сражаться. Он признал, что следующим утром намеревался взорвать обе палаты парламента вместе с королем. По-видимому, Фокс приготовился зажечь запальный фитиль, затем бежать в Уоппинг, чтобы сесть там на судно, отправляющееся во Францию, в Гравлин. Когда

позже, во время официального допроса Тайным советом, его спросили, зачем было заготовлено так много пороха, он ответил, что хотел «доставить шотландских нищих обратно в родные горы». Королю доложили о поимке Фокса, и Яков возблагодарил Бога за свое чудесное спасение.

Однако весьма вероятно, что чудо здесь вовсе ни при чем. Фрэнсис Трешем и лорд Монтигл могли договориться по поводу письма, чтобы добиться благосклонности короля. Кроме того, выдвигалось предположение, что сам Солсбери знал о заговоре, но позволил делу развиваться, чтобы поймать католиков с поличным. Это маловероятно, но полностью этой возможности исключать нельзя.

Слухи об аресте Фокса и провалившемся заговоре быстро разлетелись по городу. Роберт Кейтсби и другие заговорщики бежали из Лондона в надежде создать условия для восстания католиков, однако дворяне католического вероисповедания не были готовы совершать самоубийство. Тогда главные беглецы укрылись в Голбич-Хаусе на границе графства Стаффордшир. Там случайная искра или отскочивший уголек подожгли порох, который они привезли с собой. Двое трое получили ранения и посчитали, что этот несчастный случай – знак Божьего гнева. Один из них выкрикнул: «Будь проклят этот день!» Потом они на коленях молились перед образом Богородицы. Шериф Вустера уже напал на их след. Его люди окружили дом и открыли огонь по находившимся внутри. Некоторых убили, а раненых повезли обратно в

Лондон. Кейтсби оказался среди застреленных.

Других участников заговора нашли в течение нескольких последующих дней. 27 января 1606 года Гая Фокса и еще семь человек доставили на судебное разбирательство в Вестминстер-Холл, где все, кроме одного, заявили о своей невиновности. Через несколько дней их казнили. Иезуиты, которые попустительствовали, если не потворствовали заговору, достаточно скоро тоже оказались на плахе. Так завершился «Пороховой заговор». Семь лет спустя обнаружилось, что в кабинете библиофила и антиквара Роберта Коттона хранятся некоторые части мощей заговорщиков, включая палец руки, палец ноги и фрагмент ребра.

Сам король, несмотря на чудесное спасение, не обрел покоя. Венецианский посланник докладывал, что «Яков в страхе, нигде не появляется и не обедает в обществе как обычно. Он живет в самых дальних комнатах, окружив себя исключительно шотландцами». Король казался подавленным и мрачным, иногда давая выход своему гневу в отношении католиков. «Мне, конечно, придется обогреть руки их кровью, – говорил он, – пусть и совершенно против моей воли». До такого дело не дошло.

Члены палаты общин приступили к обычной работе в тот самый день, на который было назначено их уничтожение: учредили комиссию по торговле с Испанией, рассмотрели ходатайство от одного из парламентариев с просьбой освободить его от заседаний по причине подагры. Однако в кон-

це мая 1606 года они приняли закон, «чтобы активнее обнаруживать и сдерживать папистских рекузантов»⁶. Одна из статей этого закона содержала составленную архиепископом Бэнкрофтом Клятву верности, в которой Яков признается законным королем, и низложить его вне власти папы. Закон обязывал католиков посещать службу Англиканской церкви и принимать Святое причастие не менее одного раза в год. Наказания за нарушение закона предусматривали штрафы или конфискацию имущества. Рекузант не имел права приближаться к Лондону ближе чем на 16 километров, к тому же был восстановлен статут предыдущего правления, запрещающий рекузанту отъезжать от своего дома дальше чем на 8 километров. Рекузантам запрещалось вести адвокатскую и врачебную практику.

Эти меры не привели к смене вероисповедания. Католики просто отказались от политической деятельности во время правления Якова и в основном вели себя тихо и спокойно. Большинство из них с готовностью приносили Клятву верности, чтобы защитить и свой покой, и собственное имущество; только люди, склонные к иезуитству, по-прежнему страстно желали поддержать притязания папы римского. Сам Яков сказал по поводу Клятвы верности, что он хочет провести четкую границу между католиками-доктринерами и теми жителями, «кто хотя в остальном и находится под

---

⁶ Рекузант (recusant) – «отказчик», человек, не посещающий англиканских богослужений, как того требовал закон.

влиянием папы, но сохраняет в сердце естественное уважение к своему монарху». Предыдущие санкции против пуритан вводились нерешительно или частично, такую же осторожную политику теперь повели и в отношении католиков. Яков вовсе не стремился превращать своих подданных в мучеников. В любом случае в начале XVII века было значительно легче устанавливать правовые нормы, чем воплощать их в жизнь.

Двор Якова I, излишества которого были уже известны всем, теперь прославился распущенностью. Пьянство и притворство, продажность и сексуальная неразборчивость стали главными дворцовыми привычками. Свобода нравов была единственным правилом. Граф Пембрук испытывал непреодолимое отвращение к лягушкам, так король посадил омерзительное земноводное прямо ему на шею. Сам Яков до ужаса боялся свиней, и поэтому Пембрук привел животное в королевскую спальню. Один придворный принес во дворец в Уайтхолле «громадный пудинг, к которому были привязаны четыре только что зажаренных поросенка в упряжи из сосисок». Сосиски разбрасывали по залу, а шуты и карлики двора в это время скакали друг у друга на плечах.

В трагедии «Падение Сеяна», представленной в первый год правления Якова, Бен Джонсон намекал на придворных, когда писал:

У нас нет ни смены лиц, ни раздвоенных языков,

Нет мягких и клейких тел, которые способны прилипнуть
Подобно улиткам к разукрашенным стенам...⁷

«Если бы я действовал, как ваша республика, – говорил король послу Венеции, – и начал наказывать тех, кто берет взятки, то скоро оказался бы без единого подданного».

Сэр Джон Харингтон рассказывал, что в момент приезда короля Дании летом 1606 года придворные в Уайтхолле «купались в животных удовольствиях», а леди, «забыв о воздержанности, заходились от пьяного смеха». Для двух монархов устроили большой праздник, на котором показывали представление о Соломоне и царице Савской. Дама, изображавшая царицу, несла королям подарки, «но, забыв о ведущих к балдахину ступеньках, уронила шкатулки на колени его величества короля Дании, а сама упала к его ногам... Потом король поднялся и пошел танцевать с царицей Савской, но сам упал и опозорился перед ней. Его унесли во внутренние покои и положили на королевское ложе». Других актеров спектакля, например изображавших Надежду и Веру, «сильно тошнило, и они блевали в нижнем зале». Джон Харингтон заключил: «Страх взрыва полностью улетучился из наших голов». Ему еще не приходилось видеть «такого беспорядка, распушенности и пьянства», как на том празднике. Он затосковал о времени своей крестной матери, королевы

---

⁷ We have no shift of faces, no cleft tongues, / No soft and glutinous bodies that can stick / Like snails on painted walls...

Елизаветы, когда при дворе царили величавость и строгость.

Нет никаких сомнений, что новый двор разительно отличался от предыдущего. Король славился тем, что больше посвящал себя удовольствиям, чем тому, что считалось его обязанностями. Дважды в неделю он посещал петушинные бои во дворце Уайтхолл и, как его предшественница, любил ежедневные прогулки верхом и охоту. Когда Яков настигал загнанного оленя, он спешивался и быстро перерезал животному горло, давал собакам насладиться оленьей кровью, а затем вытирал свои окровавленные руки о лица товарищей.

Скоро стало ясно, что ему не нравится присутствие зрителей при его развлечениях. В отличие от Елизаветы он не любил и даже не выносил толпы. Когда вокруг него собирались люди, он обычно ругался и кричал: «Что им надо?» Однажды ему ответили, что народ пришел выказать ему любовь и уважение. На что король заявил с сильным шотландским акцентом: «Богом клянусь, я сейчас спущу штаны, пусть они увидят мою задницу». В качестве приветствия Яков нередко использовал «Черт вас побери!» или «Чума на вас!». В результате эти вспышки гнева привели к тому, что короля, по словам венецианского посла, стали «презирать и даже ненавидеть».

Он оправдывал свои занятия охотой тем, что его энергия – это «благополучие и благосостояние для всех них», несомненно имея в виду и двор, и народ. Пусть чиновники изнемогают в кабинетах или за столом заседаний Тайного совета.

Король должен быть сильным и храбрым. В любом случае, по его словам, он в состоянии сделать за один час больше дел, чем все советники за день; он проводит меньше времени на охоте, чем другие монархи, развратничая с женщинами. Однажды из своры исчезла любимая собака Якова Джоулер. Следующим утром собака снова появилась, а к ее шее была привязана записка. «Дорогой мистер Джоулер, просим вас передать королю (поскольку он каждый день вас слышит, а нас нет), чтобы его величество соблаговолил вернуться в Лондон, в противном случае страна погибнет». Когда в конце концов Яков все-таки приехал в Уайтхолл, то проводил время в пирах и за картами, растратив массу денег.

Король был постоянно и глубоко в долгах. Поначалу он думал, что попал в Эльдorado, но вскоре обнаружил, что кошелек опустел. Точнее, он слишком быстро опустошал свой кошелек. Яков без счета покупал обувь, шелковые чулки и касторовые шляпы. Дворцовый церемониал стал более затратным с прибытием «столь роскошных джентльменов», как никогда ранее. При дворе возникла мода на азартные игры – «золотую забаву». Король любил маскарады и пышные пиры, которые для него стали непременными иллюстрациями верховной власти. Он пожелал устроить бал-маскарад в Рождественскую ночь, но ему сказали, что так не принято. «Что значит – не принято? – воскликнул король. – Я сделаю это модным».

Яков покупал столовое серебро и ювелирные изделия, ко-

которые потом раздаривал своим приверженцам. Поговаривали, что одному-двум людям он вручил больше, чем его предшественница даровала придворным на протяжении всего периода своего правления. Граф Шрусбери заметил, что Елизавета «из каждой пожалованной мухи делала... слона, а у теперешнего государя так не происходит». Исключительная щедрость короля по отношению к своим фаворитам и придворным не идет ни в какое сравнение с любым другим периодом английской истории.

Первый конкретный фаворит появился весной 1607 года. Роберт Карр, двадцати одного года от роду, был образцом любезности и умения держать себя, а кроме того, отличался поразительно привлекательной внешностью. Во время рыцарского турнира в присутствии короля лошадь его сбросила, и молодой человек сломал ногу. Король очень взволновался и приказал своему личному врачу позаботиться о здоровье пострадавшего. Карра доставили в больницу на Чаринг-Кросс, где король навещал его каждый день. Пациенту назначили особую диету и, по настоянию Якова, окружили докторами. Придворные тут же поняли, что этот человек заслуживает повышенного внимания. «Боже! – написал современник событий сэр Энтони Уэлдон. – Как первые люди королевства бросились навещать больного и возносить у его постели непомерные хвалы...» Яков сильно привязался к молодому человеку, и вскоре Карр получил титул и был назначен лорд-камергером. Король решил не только продви-

гать его, но и повысить его образование. Яков сам давал ему уроки по латинской грамматике и европейской политике. И разумеется, король осыпал своего фаворита золотом и драгоценными камнями. Было замечено, что Яков «обнимает его, щиплет за щеки, поправляет на нем одежду...».

Сэр Джон Харингтон, всю жизнь прослужив Елизавете, по-прежнему искал выгодной должности при дворе. Томас Говард, граф Саффолк, взял его к себе и дал несколько советов. Харингтону было сказано, что король «очень уважает умные разговоры» и «чрезвычайно восхищается хорошим стилем в одежде». Ему подсказали «завести новый камзол, хорошо окантованный и не слишком короткий, потому что король говорит, что любит свободную одежду. Важно, чтобы костюм не был весь одного цвета, а разнообразно окрашен, воротник пусть несколько ниспадает, а складки должны быть многочисленны и хорошо накрахмалены». Уже восемнадцать придворных потеряли свои должности, потому что не отвечали вкусу короля в мужском костюме.

Саффолк рассказал Джону Харингтону, что во время беседы ему не следует задерживаться слишком долго на одной теме, а вопросов религии вообще касаться только слегка. Никогда не говорить «это хорошо или плохо», а скромно формулировать, что «если ваше величество согласны, я бы рассудил так-то и так-то». Не задавать вопросов. Не обсуждать личности и характер никого из придворных. Не забыть похвалить чалую испанскую лошадку короля. Обязательно от-

метить, что звезды достаточно яркие, чтоб послужить серьгами для ушей Роберта Карра, а чалая лошадка лучше Буцефала и достойна носить на себе Александра Македонского.

Кроме того, Саффолк добавил Джону Харингтону, что «молчаливость и осмотрительность должны идти в паре, как кобель с сукой». Прежняя королева всегда говорила о «любви и искренней преданности» своих подданных, а Яков предпочитает видеть в них «благоговейный страх и покорность». Почему Джон Харингтон желает занять при дворе первое место? «Вы не молоды, вы не хороши собой, вы не изящны». Значит, Харингтон должен полагаться на свою образованность, которая, конечно, впечатлит короля.

Довольно скоро Яков пригласил Джона Харингтона в свой личный кабинет и пустился с ним в пространную беседу. Король проэкзаменовал его по Аристотелю и другим философам, попросил прочесть вслух фрагмент из «Неистового Роланда» Ариосто и похвалил его дикцию. Затем поставил перед ним несколько вопросов: «Как вы думаете, что такое чистый разум? Следует ли королю быть наилучшим [самым знающим] чиновником своей страны? Вы в самом деле согласны, что дьявол оказывает больше внимания престарелым женщинам, чем остальным людям?» Яков рассказал Харингтону, что смерть его матери, королевы Марии Шотландской, была предсказана ей заранее, а в момент казни люди видели, как ее окровавленная голова парит в воздухе. Король пространно описал силу пророчеств и порекомендовал

несколько книг по этому предмету. В завершение беседы он перешел к обсуждению «новой травы», табака, который, по мнению Якова, «если его курить, усилит дурные качества мозга». Так закончилась королевская аудиенция. Джон Харингтон прошел по дворцу «среди стоявших повсюду многочисленных пажей и высокомерных слуг». Однако он выдержал испытание и был назначен наставником маленького принца Генриха.

Для вечных долгов короля были и другие причины, кроме фаворитизма. Постоянный рост цен, нежелание землевладельцев платить новые налоги – все вносило свой вклад в превышение расходов двора над его доходами. Содержание разросшейся королевской семьи, жены и троих детей, тоже стоило вовсе не дешево. Королева Анна отличалась экстравагантностью и пристрастием к радостям светского Лондона. Муж полагал, что она должна ограничиться 3000 нарядов своего прежнего гардероба, но Анну не устраивали старомодные вещи. Ей нравилось появляться при дворе то в виде богини или нимфы, то восточной султанши или арабской принцессы.

Якова искренне удивляли собственные долги, он то и дело обещал быть более экономным, однако бережливость была ему несвойственна. «Моя единственная надежда, – говорил он Солсбери, – это мои хорошие слуги, которые будут в поте лица трудиться на благо короля». Но где было взять дополнительные деньги? Некоторые налоги взимались с неза-

памятных времен или, по крайней мере, с конца XIV века. Все платили подать с каждого «тана», или бочонка, вина – «таннаж»; «фунтаж» – сбор, отчисляемый с каждого фунта стерлингов с цены на экспортируемые и импортируемые товары. Яков решил пересмотреть налоговые ставки и ввести новые пошлины, которые стали называть «импозициями».

Один купец по имени Джон Бейт отказался платить. Он вывез с береговой полосы корицу, прежде чем таможенники смогли оценить груз. Его вызвали в Тайный совет, где купец заявил, что эта «импозиция» незаконна, потому что не была утверждена парламентом. Дело Бейта стало прецедентным. Его рассматривали в Суде казначейства. Бейт проиграл. Суд постановил, что монарх имеет абсолютную власть в области таможенных пошлин, королевское преимущественное право было подтверждено во всех аспектах внешней торговли.

Однако в парламенте нарастало недовольство, пошли разговоры о том, что деньги текут в бездонную бочку. В октябре 1607 года Яков обратился к своему Совету по поводу тягостных проблем с «разъедающим нарывом безденежья». Он обещал вытерпеть любое «лечение», которое они пропишут, и принимать все «процедуры и лекарства, какие члены Совета сочтут необходимыми при его болезни». Случай был нелегким. Солсбери постарался использовать самые разнообразные средства для получения денег: штрафовал за давно забытые правонарушения и вымогал столько феодальных «сборов» в пользу короля, сколько смог придумать.

Тем не менее на членов палаты общин не произвели впечатления эти меры. С давних времен существовало правило, что король Англии должен «жить на собственные средства»; он должен вести хозяйство и оплачивать работу правительства из своих ресурсов. Все считали, что налогообложение – это исключительная мера, которую следует применять только в военное время. Первый парламент Якова I собирался на пять сессий с марта 1604 по февраль 1611 года, и в течение этого продолжительного периода он начал приобретать собственное лицо, которого практически не было во время царствования Елизаветы. И законов больше приняли, и заседали дольше. Например, в 1607 году палата общин учредила «комитет всей палаты». Этот комитет мог избирать собственного председателя в противоположность спикеру, которого назначал монарх, и свободно обсуждать законопроекты столько времени, сколько посчитают нужным члены палаты. В тот момент это рассматривалось как выдающееся нововведение, в котором теперь можно усмотреть предвестника конфликта между двором и парламентом.

Группа самых разных и по-разному настроенных парламентариев далеко не всегда была на стороне короля. Фрэнсис Бэкон писал королю: «Оппозиция, которая была в последнем парламенте по отношению к делу Вашего Величества, хотя и не являлась *ex puris naturalibus*⁸, исходила от группы, с моей точки зрения, теперь значительно слабейшей, чем раньше».

---

⁸ В натуральном виде, буквально «в чистой натуре» (*лат.*).

Это еще не включает в себя горячности будущих сражений или создания «партий» в современном смысле слова, но наводит на мысль о политических переменах. Некоторые детали споров сохранились в истории. К примеру, сэр Эдвард Герберт «булькает» на мистера Спикера, а Джон Тей жалуется, что мистер Спикер «затыкает ему рот» и продолжает угрожать.

У короля нашелся еще один храбрый оппонент. Возник правовой спор. Существует ли различие с точки зрения права между шотландцами, которые рождены до восшествия Якова на английский престол, и теми, кто родился после этого события? Король доказывал, что родившиеся после его коронации получили гражданство по общему праву и поэтому могут занимать в Англии государственные посты. Яков обратился к судьям, которых считал своими единомышленниками. Один из них отказался встать на сторону короны. Сэр Эдвард Кок с 1605 года был главным судьей по гражданским делам и авторитетным специалистом в области английского общего права. Яков не имел серьезного представления о традиционном общем праве Англии, исходя из знаний о системе законов Шотландии, которая значительно отличалась от английской. Эдвард Кок считал, например, что и монарх, и подданный юридически подотчетны своду древних законов, которые постигались в практике и истолковывались применением; этот свод законов представляет собой не только давнюю общую традицию, но и разумное установ-

ление. Однако король думал иначе. Он и раньше твердо заявлял, что «монарх стоит над законом и как его автор, и как его двигатель». Из этого постулата можно было сделать вывод, что король имеет решающее слово в решении правовых вопросов. Яков, например, утверждал, что сам в состоянии выносить судебные решения. Эдвард Кок возразил: судебное дело может решаться только в судебном заседании. Кок сам рассказал историю этого противостояния.

Яков. Мне казалось, что закон основан на разуме. И я, и другие люди обладаем разумом не в меньшей степени, чем судьи.

Эдвард Кок. Хотя, сэр, вы богато одарены природой, вам не хватает познаний в английских законах. Чтобы судить, надлежит руководствоваться не естественным разумом, а установлениями и законами.

Прения продолжились.

Яков. То есть я связан законами? Это утверждение пахнет изменой!

Эдвард Кок. Брактон⁹ говорит, что король не подчиняется никакому человеку, но подчиняется Богу и закону.

Один свидетель отметил, что «его величество пришел в

---

⁹ Генри де Брактон – систематизатор английского общего права XIII в.

такую ярость, какой в нем никто не знал. Смотрел и говорил свирепо, сжимал кулаки, готовый к удару, который лорд Кок предотвратил, упав на четвереньки...». Наверное, Кок сдался и попросил пощады, однако в последующие годы полемика между короной и законом продолжилась в еще большем масштабе и с большей серьезностью.

Интриги при дворе тоже не заканчивались. Фавориту, на тот момент сэру Роберту Карру, в придачу к титулу требовалось поместье. К большой удаче Карра, у сэра Уолтера Рэли, все еще находившегося под стражей, конфисковали поместье Шерборн. Он думал, что передал его своему сыну, но Королевский совет распорядился иначе. Поместье передали фавориту короля. Леди Рэли в сопровождении двоих сыновей допустили к королю, где она бросилась к его ногам. «Мне нужна эта земля, – прозвучало из королевских уст. – Мне нужна она для Карра». Вот истинный голос Якова I.

3. Путеводные звезды

В 1605 году один из «ученых советников» короля преподнес ему трактат, вобравший в себя дух Нового времени, – Об успехах и развитии знания, божественного и человеческого» (Of the Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human). Эта работа Фрэнсиса Бэкона, больше известная последующим поколениям под названием «О приумножении наук» (The Advancement of Learning), поистине изменила подход к человеческому познанию и природе знания. Бэкон несколько лет прослужил на государственных должностях под покровительством своего дяди лорда Берли и впервые появился при дворе Елизаветы. Однако пришествие нового короля обещало более существенные награды, и вскоре после вступления на престол Якова I Бэкон представил ему два трактата по таким вопросам, как объединение Шотландии с Англией и форма административного устройства церкви.

Тем не менее «О приумножении наук» была работой в совершенно ином ключе, а именно той, что помогала создавать атмосферу научной рациональности, характерную для всего XVII столетия. Прежде всего Бэкону требовалось расчистить хаос унаследованного знания. На первых страницах трактата «первая груда знаний» (the first distemper of learning) отвергается на том основании, что «люди изучают слова, а не

дела». По его мнению, слова, а не вещи составляли основу традиционной науки на протяжении столетий: и во времена высокопарного гуманизма Ренессанса, и в эпоху схоластического богословия Средних веков. Бэкон заявил, что «люди слишком удалились от изучения природы, анализа ощущений и взамен снова и снова разбирались в собственных размышлениях и представлениях». Наступило время внимательно посмотреть на окружающий мир. Далее он отмечает: «Этот вид неполноценного познания доминирует преимущественно у тех ученых, которые имеют острый ум, массу свободного времени и ограниченный круг чтения. Их разум, замкнутый в келье нескольких авторов (Аристотель был их главным авторитетом), как сами они были заключены в пространстве монастырей и колледжей, имевший незначительные познания в истории природы и времени, мало проникал в суть реальных вещей».

Ясность и убедительность его прозы – безупречное оружие атаки на усложненность и чрезмерную искусность прежней науки. Именно поэтому Шелли цитировал Платона и Бэкона как самых значительных из всех поэтов-философов.

Бэкон критиковал подходы и принципы предыдущего метода познания, выдвигая на первый план эксперимент и наблюдение, которые, с его точки зрения, и дают основной материал для настоящих естественных наук. Он полагал, что ученым и экспериментаторам его времени следует посвятить себя «пользе, а не показухе», «делам здравого смысла и опы-

та». Бэкон предостерегал: «Чем дальше вы уходите от деталей, тем больше опасность совершить ошибку». Впоследствии такая постановка вопроса будет описываться как «научный» подход.

Целью любого познания, по Бэкону, служит польза и процветание человечества. Материальный мир нужно понять и подчинить себе посредством «усердного и серьезного изучения истины», которую можно выяснить только «восходя от опытов к исследованию причин и опускаясь от причин к изобретению новых опытов». Это революционное изложение метода научного познания делает Бэкона, а с ним и эпоху короля Якова I отправной точкой Нового времени.

Бэкон желал изменений в организации и методологии получения знаний. Он предложил направлять работу университетов, колледжей и школ «разнообразными поощрениями, здравым руководством и сопряжением трудов». Здесь можно усмотреть зарождение подхода, который ляжет в основу работы Королевского научного общества и вдохновит изобретательскую активность, проявившуюся в первые годы Промышленной революции. Сам Бэкон разделял пуританские убеждения. Он верил, что мощь фактора личности выше многочисленных прелестей традиции и авторитета; считал, что наблюдение, а не размышление – единственно верный инструмент познания, направленного на практическую цель. Его путеводными звездами всегда были польза и прогресс.

Бэкон надеялся, что при их ярком свете «третья эпоха значительно превзойдет греческую и римскую науку». Будет справедливо сказать, что он помог изменить скорость и направление развития новой науки. Свою более позднюю работу Фрэнсис Бэкон назвал *Instauratio Magna* — «Великое восстановление». На фронтисписе книги был изображен корабль, плывущий между античными Геркулесовыми столбами, которые традиционно обозначали пределы познания и исследования. Это символ путешествия к новым открытиям вопреки начертанным на столбах словам *nec plus ultra* — «дальше некуда». Таким образом, отчасти правление Якова I знаменует начало плавания человеческой мысли по неизведанным морям.

4. Бог богатства

Казна была пуста. Служащие короны требовали жалованье, но денег не находилось. Парламент не желал утверждать налоги, в графствах местные чиновники не проявляли усердия во взимании надлежащих сумм со своих соседей, а значительная часть средств, собранных в качестве таможенных пошлин, оседала в карманах тех, кто их собирал.

Следующая сессия парламента состоялась в феврале 1610 года. В зале заседаний царил дух неповиновения. Солсбери обрисовал бедственное состояние финансов страны, но парламентариев больше занимал вопрос ограничения расточительности королевского двора, чем утверждение новых налогов. Один из них, Томас Вентворт, заявил, что нет смысла предоставлять королю новые деньги, если он отказывается сокращать расходы. Вентворт вопрошал: «Зачем направлять серебряный поток в королевское хранилище, если оно будет ежедневно опустошаться через личный кран?» Солсбери не дрогнул. Он считал, что члены палаты общин обязаны сначала обеспечить потребности короля, а потом уже высказывать недовольство. Парламентарии, напротив, требовали ответа на свои опасения, прежде чем они обратятся к удовлетворению королевских нужд.

Собрали конференцию, на которой Солсбери выдвинул давно задуманный план, ставший известным под названи-

ем «Большой договор». По этому договору король отказывался от феодальных повинностей в обмен на гарантированную ежегодную выплату. Палата общин предложила 100 000 фунтов стерлингов, только половину от затребованной Яковом суммы. Парламент, казалось, по-прежнему думал, что король должен и может быть таким же бережливым или скупым, как его предшественница. Переговоры отложили.

21 мая король созвал обе палаты парламента и начал упрекать парламентариев в том, что за четырнадцать недель заседаний они так и не облегчили его сложного финансового положения. Он прислушается к их словам о растущем налогообложении, но не посчитает себя связанным их мнением. Они не вправе ставить под сомнение королевскую прерогативу в подобных вопросах. Члены парламента ответили, что если дело обстоит подобным образом, то король может законно претендовать на все, что находится в их владении. Вооруженная «Петицией о праве» депутация парламентариев явилась к Якову в Гринвич. Понимая, что, по всей вероятности, он зашел слишком далеко, король принял депутатов и пояснил: его неправильно поняли. Яков всегда чувствовал, когда следует отступить, чему так и не научились два его более искренних сына.

Дебаты по «Большому договору» возобновились 11 июня, с сопутствующими спорными вопросами об ассигнованиях, государственных доходах, претензиях и штрафах. Когда королю представили претензии на длинном пергаментном

свитке, он заметил, что из этого свитка могут получиться прекрасные обои. На уступки шли обе стороны, но конца переговорам не предвиделось. 23 июля Яков назначил перерыв в работе парламента, и парламентарии отправились в свои избирательные округа, где должны были продолжить обсуждение деталей «Большого договора». Понятное дело, что города и графства больше беспокоились о собственных издержках, чем о безденежье Якова. Дебаты лишь продемонстрировали глубокую пропасть между королем и народом, между двором и государством.

Отсутствие продвижения в переговорах бесило Якова. Он твердо решил, что больше никогда не потерпит «подобных насмешек и унижений, которые ему нанесли за это время». Даже если они вернутся с предложением всего, что хотел король, он не станет их слушать. В любом случае Яков уже произнес речь, в которой описал политическую ситуацию как исключительно печальную. В марте 1610 года он собрал в Уайтхолле палату лордов вместе с палатой общин. «Богатство монархии, – провозгласил он, – наиважнейшая вещь: потому что короли не только заместники Бога на земле и не только сидят на Божьем престоле, но и сам Бог называет их богами». Речь Якова продолжилась заявлением, что короли «представляют на земле власть божественную». Монархи мира могут «давать подданство и лишать его; вдохновлять человека и повергать в уныние; они вольны в жизни и смерти; они – судьи всем своим подданным во всех делах, а са-

ми подотчетны только Всевышнему». Он напомнил парламентариям, что не в их власти «подрезать крылья величия»: «Если какой-то король решит быть тираном, все, что вы можете делать, – это не вставать на его пути». Или они хотят от него, чтоб король Англии уподобился венецианскому дожу?

Не все члены парламента с воодушевлением воспринимали высказывания Якова. Репортер того времени Джон Чемберлен отметил, что позиция короля «вызывала настолько мало радости», что он «слышал в основном лишь выражения большого неудовольствия». Если парламент молча согласится с таким отчаянным утверждением королевской власти, то мы «вряд ли передадим своим преемникам политическую свободу, полученную из рук наших предшественников».

Как показали столкновения Якова с Коком, король не знал основ традиционного английского права и, похоже, не осознавал, что англичане никогда не примут принципа неограниченной власти. Отмечалось, что «король говорит о том, что может быть во Франции и Испании». Он не понимал (или делал вид, будто не понимает), что положение монархов этих двух стран сильно отличалось от того, в котором находился английский король. Яков отстаивал идею права помазанника Божьего без ясного представления, как его реализовывать при наличии парламентского и общего права.

Возможно, он встал на эту позицию по причинам, совсем не связанным с философией вопроса. Ненависть Якова к

пресвитерианским старейшинам выросла из того, что они прямо бросали вызов его власти. Шотландская знать тоже стремилась вести себя с королем как с равным себе. Таким образом, заявления Якова о своих правах, по всей видимости, отчасти стали реакцией на сложное, а порой и опасное положение короля на троне Шотландии. Однажды он заметил, что «самая высокая скамья всегда самая скользкая».

Кроме того, он, скорее всего, ясно осознавал, что проявления его характера и образ действий не всегда безукоризненно королевские: он пускал слюни и имел странную походку, позволял себе всячески угождать своим смазливим фаворитам и целоваться с ними. Чтобы компенсировать такие очевидные недостатки, Яков, наверное, и стремился поддерживать идею божественности королевского права.

Однако теоретическое понимание вопроса у Якова решительно расходилось с практическим восприятием политической реальности. На самом деле он никогда не вел себя как абсолютный монарх и за редким исключением старался оставаться в рамках закона; в осуществлении своих полномочий Яков не проявлял ни деспотизма, ни сумасбродства. В свою очередь парламент не делал серьезных попыток подорвать его власть или поставить под сомнение верховенство королевской власти.

Судьбы королевских особ в то время представляли повод к размышлению. 14 мая 1610 года король Франции Генрих IV был убит фанатичным католиком, верившим, что ца-

реубийство – его религиозный долг. Всегда пребывавший в страхе за собственную жизнь, Яков впал в панику. По словам французского посла, получив известие о гибели Генриха IV, Яков «стал белее рубашки».

В следующем месяце старший сын Якова принц Генрих Фредерик официально стал наследником английского престола, принцем Уэльским. Человек геройского, или воинственного, нрава, он был страстным поборником протестантизма. Фрэнсис Бэкон отметил, что лицо принца было удлинненным «и довольно худощавым... взгляд серьезный, выражение глаз скорее сдержанное, чем живое, а в чертах его было что-то суровое». Двор Генриха воздерживался от мотовства и пьянства, которым потворствовал его отец; это был образец порядка и пристойности, где сквернословие наказывали штрафом. Во время, когда моральные устои и нормы поведения королевского двора славились упадком, многие считали Генриха истинно христианским принцем, который может спасти нацию для добродетели.

Генриха окружали люди воинской направленности, люди действия. Он сам активно интересовался военно-морским делом и освоением колоний. Наследный принц особенно восхищался сэром Уолтером Рэли, который по-прежнему содержался в Тауэре, и вслух заявил: «Никто, кроме моего отца, не стал бы держать такую птицу в клетке». С той же страстью он испытывал неприязнь к сердечным друзьям отца. Говорят, что про Карра он как-то сказал: «Если бы

королем был я, то не позволил бы никому из этой семьи оплевывать дворцовые стены». Если бы он был королем, то... что? Этот вопрос был главным для Англии. Нет сомнений, что Генрих IX последовал бы боевому примеру Генриха V. Считается, что Яков, заметив популярность двора сына, спросил: «Он похоронит меня живьем?» Когда королевский шут Арчи подметил, что Яков видит в Генрихе больше угрозу, чем утешение, король разразился слезами.

Другая щекотливая ситуация для Якова, пусть и менее значительная, возникла через несколько недель после объявления Генриха наследником престола. Двоюродная сестра короля Арабелла Стюарт первые шесть лет правления Якова наслаждалась всеми удовольствиями и выгодами жизни при королевском дворе. Рэли и другие даже рассматривали ее кандидатуру в качестве замены Якову, но она не принимала участия в заговоре. По-прежнему вопросом крайней важности оставалось ее разумное и хорошее замужество. Однако в начале 1610 года она обручилась с Уильямом Сеймуром, который имел некоторые, пусть и не прямые, основания для притязаний на английский престол. Такие ситуации всегда вызывали ужас правителей.

Пара согласилась отказаться от планов на брак, но в июне они тайно обвенчались в Гринвиче. Узнав о свадьбе, король пришел в ярость. Сеймура немедленно заключили в Тауэр, а Арабеллу сначала доставили в Ламбет, но потом решили отправить дальше на север, в Дарем. По дороге Арабелла за-

планировала побег. Она изменила внешность, по свидетельству хрониста того времени Джона Мора, «натянув на женское белье пару замечательных лосин по французской моде, надев мужской камзол, мужеподобный парик с длинными локонами, черную шляпу, черный плащ, коричневые сапоги с красными отворотами и повесив на пояс шпагу». В городке Ли она села на корабль, взявший курс на Францию, но их перехватило судно, отправленное из Дувра, чтобы арестовать беглянку. Арабеллу сопровождали в Тауэр, где под давлением переживаний ее рассудок повредился, и через четыре года она умерла невменяемой. Печальная история, полная опасностей и вероломства, какую переживают все, занимающие высокое положение.

Когда осенью того года открылась новая сессия парламента, каждому стало ясно, что идея Солсбери о «Большом договоре» между потребностями короля и щедростью государства не реализуется ни при каких обстоятельствах. Палата общин прекратила обсуждение этого вопроса к 8 ноября, после многочисленных порицаний «фаворитов» и «невоздержанных придворных». Шотландцев тоже атаковали как людей с вечно голодным ртом. Король был в ярости и сказал Тайному совету, что «никакое место, кроме ада», не может сравниться с палатой общин; «нашу репутацию и поступки изо дня в день перебрасывали от одного к другому хулителю, как теннисные мячики». Яков был склонен винить Солсбе-

ри за чрезмерные надежды на парламент, который он прозвал «гнилым тростником Египта»; он продолжил библейский стиль, сказав ему, что его «главная ошибка в том, что всегда рассчитывает получить мед из желчного пузыря». Король объявил перерыв в работе сессии, а вскоре и вовсе распустил парламент.

Не все экономические скорби короля были делом его рук. Фискальная система Англии в значительной степени сформировалась в XIV веке и не отвечала потребностям, сложившимся к XVII столетию. Она попросту не работала, особенно в условиях войны, и требовалось разработать совершенно новый подход к формированию государственных финансов. Так, весной следующего года Яков предложил продавать передаваемые по наследству титулы всем желающим рыцарям и эсквайрам. Титул баронета, например, можно было купить за 1080 фунтов с выплатой в три года. Однако общего дохода казны от этого маневра, который составил примерно 90 000 фунтов, оказалось недостаточно, чтобы компенсировать разнообразные королевские траты. Когда в 1616 году сэръ Джон Ропер пожертвовал сумму более 10 000 фунтов стерлингов, чтобы стать бароном Тенемом, его прозвали «лорд Десять миллионов». Историк XVII века Артур Уилсон отметил, что многочисленность титулов «сделала их ничтожными и недействительными в глазах народа; ничто не разрушает монархию более эффективно, чем обесценивание родовой знати; с упадком аристократии возвышается третье

сословие и нарастает анархия».

У короля появился еще один план того, как добыть деньги. К нему обратились с вопросом, не пожелает ли его старший сын жениться на инфанте Марии Анне, дочери короля Испании Филиппа III. Яков немедленно направил своих представителей в Мадрид. Добрый малый Робин – персонаж пьесы Бена Джонсона «Возвращенная любовь», которая была представлена при дворе 5 января 1612 года (праздник Двенадцатая ночь), – сетовал, что это «мошенник Плутос, бог богатства, украл символы любви и в измененном облике правит миром, устраивая дружбу, контракты, браки, управляя и верой самой».

Весной того года Яков присоединился к Протестантской унии, заключенной четырьмя годами ранее коалицией германских государств Бранденбург, Ульм, Страсбург и Пфальц. В этом деле король следовал настроениям своего народа. Тогда же он официально согласился на помолвку своей дочери Елизаветы с курфюрстом Пфальцским Фридрихом V. Княжество Пфальц занимало обширную территорию в долине Рейна, в него входили такие города, как Гейдельберг и Дюссельдорф. С середины XVI века оно было оплотом протестантства, а сам Фридрих считался главным кальвинистом всей Европы. Поэтому Протестантская уния казалась выгодным союзом для английского короля, который считал, что и сам может стать поборником протестантства.

У Якова имелись для этого надлежащие основания. В

предыдущем году вышла Библия короля Якова, плод Хэмптон-Кортской конференции 1604 года. Она быстро вытеснила Женевскую и Епископскую Библии. На самом деле она по сей день остается основным переводом на английский язык Священного Писания и образцом английской прозы XVII века. Она также стала пробным камнем для литературной культуры Англии. В лекциях «О переводах Гомера» Мэтью Арнольд отметил, что есть «английская книга, и одна-единственная, в которой, как в самой Илиаде, безукоризненная простота изложения сочетается с безупречным благородством, и эта книга – Библия короля Якова». Влияние этого перевода можно проследить в произведениях Мильтона и Баньяна, Теннисона и Байрона, Джонсона, Гиббона и Теккерея – сила его ритма проявляется везде. Библия короля Якова укрепила самосознание нации и вдохновила некоторые из самых ярких его проявлений.

Кроме того, она породила волну публикаций о религии на английском языке. Как сказал Роберт Бёртон в предисловии к «Анатомии меланхолии», богословским книгам не было конца. «Появилось столько книг этого рода, столько комментариев, трактатов, статей, пояснений и проповедей, что целые упряжки быков не смогут их увезти». Было также множество памфлетов религиозной направленности, в которых повествовалось о чудесах, являющих Божий Промысел, и о страшной судьбе врагов Господней воли.

Яков подкрепил приверженность протестантству еще од-

ной мерой. Весной 1611 года преемником Ричарда Бэнкрофта на посту архиепископа Кентерберийского был назначен Джордж Эббот. Главным качеством кандидата для этого назначения послужило то, что после убийства Генриха IV Эббот оказывал постоянное и безжалостное противодействие католичеству. К тому моменту он уже сыграл ведущую роль в судебном преследовании двух священников Римско-католической церкви, которых впоследствии казнили в Тайберне.

Так ранней весной 1612 года два последних человека, обвиняемых в ереси, были приговорены к смерти. Эдвард Уайтмэн высказал мнение, что Христос был «обыкновенным смертным, а не Богом и человеком в одном лице», а он сам и есть ветхозаветный Мессия. Бартоломью Лигейт проповедовал против обрядов и представлений государственной Церкви, а также признался королю, что не молился семь лет. Яков выгнал его: «Прочь, подлейшее существо! Никто не скажет, что я позволил пребывать передо мной человеку, который ни разу не молился нашему Спасителю целых семь лет». Лигейта сожгли на костре в Смитфилде в марте 1612 года, а Уайтмэн последовал за ним в огонь через месяц в Личфилде. Уайтмэн прославился, если можно так выразиться, как последний сожженный в Англии еретик.

Вспомним здесь и еще одного врага государства или, по меньшей мере, нарушителя приличий. Джон Чемберлен рассказывает, что в феврале 1612 года Молл Катперс, «печально известную проститутку, которая обычно ходила в мужской

одежде», привели к собору Святого Павла, «где она горько плакала и, казалось, искренне каялась; но позже ее раскаяние вызвало сомнение, потому что обнаружилось, что перед этим она выпила три кварты вина». Вот достойная виньетка к рассказу о Лондоне времен Якова I.

5. Ангелоликий Стини

Летом 1612 года король Яков отправился в месячную поездку по стране, включавшую посещение городов Лестер, Лафборо, Ноттингем и Ньюарк. Повсюду он мог видеть свидетельства благополучия и спокойствия государства. Мир с Испанией и торговое соглашение с Францией дали толчок коммерческой деятельности, а несколько хороших урожаев поддержали это счастливое положение вещей. Молочные продукты из графств Эссекс, Уилтшир и Йоркшир хлынули в Лондон; шерсть на экспорт из Уилтшира и Нортгемптоншира прибывала в порты; крупный рогатый скот из Северного Уэльса и Шотландии, овец из Котсуолдса гнали на большой рынок Смитфилда.

Развивались и другие отрасли хозяйства. «Исправьте ваши карты, – написал поэт Джон Кливленд. – Ньюкасл стал Перу». Другими словами, уголь в Ньюкасле был в таком же изобилии и цене, как серебро в Перу. Его добыча возрастала с каждым годом, а торговцы углем заключали громкие сделки на Бирже в Биллингсгейте. За сто лет с 1540 года производство черного металла тоже выросло по объему в пять раз. Из порта Бристоля отплывали шеффилдские ножи и корнуоллское олово в обмен на сахар и зерновые из Америки. Норидж служил безопасным прибежищем для ткачей, высланных из Франции и Германии, а Честер контролировал

торговлю с Ирландией.

Борьба с монополиями, начавшаяся в конце правления королевы Елизаветы, сыграла свою роль в экономике Англии. В декларации палаты общин 1604 года утверждалось, что «передача в руки нескольких людей продажи основных наиболее многочисленных товаров противоречит естественному праву и свободам подданных Английского королевства». Тем не менее по-прежнему выдавались патенты на такие виды деятельности, как осушение болот, выработка бумаги, добыча соли из морской воды, изготовление клинков и производство металла без древесного угля. Благополучие монополистов говорит, по крайней мере, о разнообразии новых товаров и технологий.

Йомены возводили просторные и красивые особняки, а бедняки оставляли свои лачуги из тростника или дерева и строили небольшие кирпичные или каменные дома. Широко распространились кухни и отдельные спальни, вместо приставных лестниц появились постоянные, а стулья встали на место лавок. После смерти Елизаветы мода на комфортную жизнь продолжилась: люди почувствовали вкус к фаянсовой посуде взамен деревянной, со временем привыкли есть с применением ножа и вилки, а не кинжала и ложки. Неразумно было бы преувеличивать общее процветание страны: еще существовали районы ужасающей нищеты, особенно среди безземельных сельскохозяйственных работников и бродячих городских мастеровых. Однако условия общественной и

предпринимательской жизни продолжали улучшаться.

Один министр не принял участия в поездке короля 1612 года. Роберт Сесил, граф Солсбери, скончался в конце мая от болезни, вызванной неизвестными причинами. Возможно, болезнь Сесила усугубил тот факт, что он знал, как раздражен король его неспособностью улучшить положение королевской казны. В своих бумагах Роберт Сесил хранил написанное по-итальянски письмо, в котором тех, кто любил сильных мира сего, сравнивали с гелиотропом – «пока светит солнце, гелиотроп смотрит на светило всеми своими открытыми соцветиями, но, когда солнце садится, он закрывает цветки и разворачивается в другую сторону». В конце он страстно желал, чтобы его жизнь, «полная забот и невзгод», наконец прекратилась. В любом случае горевали о нем недолго. События в Лондоне развивались таким образом, что даже если бы он был жив, то потерял бы свой авторитет и влияние. Друзей у него не осталось. Бен Джонсон заклеил Солсбери следующим образом: он «никогда ни к какому человеку не проявлял интереса дольше, чем оставалась возможность его использовать».

Со смертью любого крупного руководителя всегда начинается схватка за его пост и функции. Фрэнсис Бэкон был одним из тех, кто надеялся, что кончина Солсбери станет повышением для него самого. Да и король не печалился, что освободился от давления своего советника; теперь он мог, так сказать, править самостоятельно. Он полагал, что в со-

стоянии быть собственным главным министром. В следующем году король, к своему большому неудовольствию, обнаружил, что Солсбери долгое время оказывал платные услуги Испании. На кого же вообще Яков мог положиться?

Роберт Карр, уже виконт Рочестер, был наперсником короля, а Генри Говард, граф Нортгемптон, стал главным министром нового правительства. Генри Говард собрал вокруг себя группу пэров и других аристократов. Некоторые из них были тайными католиками, и практически все благоволили испанцам. Против них в Советах при короле выступала протестантская и антииспанская партия под формальным руководством лорд-канцлера Элзмира. Используя различия в позициях разобщенных советников, Яков был способен двигать страну вперед. Разным людям вменялись разные обязанности. Летом 1612 года Джон Чемберлен писал, что король «овладел искусством разрушать надежды людей и держать всех в постоянном тревожном ожидании».

При дворе произошла еще одна смерть. Казалось, что с наследником английского престола все обстоит прекрасно. Принц Генрих был напористым и атлетичным юношей, который отличался и в постановках театра масок, и в боевых состязаниях. Однако в конце октября 1612 года принц заболел. Он играл в карты с младшим братом Карлом, и присутствовавший при игре сэр Чарльз Корнуоллис заметил, что «его высочество выглядел нездоровым и бледным, говорил глухим голосом и с каким-то странно потухшим взором». По-

звали доктора, но в течение следующих одиннадцати дней он ничего не смог сделать, чтобы остановить медленное развитие болезни, которую впоследствии предположительно определили как порфирию, или брюшной тиф.

К голове принца положили мертвого голубя, к ногам – мертвого петуха (обе птицы были только что забиты и еще сохраняли тепло), чтобы они вытянули вредную жидкость. Но Генрих умер в бреду, к неподдельному смятению и унынию двора. Он был символом будущей судьбы Англии и подавал большие надежды на эпоху решительного продвижения протестантского дела. Королева Анна рыдала в одиночестве, и даже год спустя при ней по-прежнему было небезопасно упоминать имя сына. Яков скорбел громко: «Генрих мертв! Генрих мертв!» Теперь корона предназначалась Карлу – молчаливому, застенчивому и замкнутому принцу, совершенно непохожему на своего брата.

По свидетельству Джона Чемберлена, вскоре после этого события произошел странный случай: «очень красивый молодой человек, примерно того же возраста, что принц Генрих, и довольно на него похожий, абсолютно нагим вошел в Сейнт-Джеймский дворец, где они ужинали, сказал, что он – дух принца и спустился с небес передать послание королю». Ему стали задавать вопросы, но безрезультатно, и все решили, что он сумасшедший или умственно неполноценный человек. После нескольких ударов хлыстом он исчез.

По своей природе король не был расположен к длительно-

му трауру и испытывал врожденное отвращение к мрачным настроениям. В феврале 1613 года Яков с большой пышностью отпраздновал свадьбу своей единственной выжившей дочери Елизаветы с Фридрихом V Пфальцским. На церемонию не допустили никого ниже звания барона, члены королевской семьи поражали взгляд роскошью нарядов, украшенных драгоценными камнями. На бархатной ленте шляпы короля сверкали двадцать пять бриллиантов. Драгоценности английской королевской казны тоже были на виду, среди них подвеска из рубинов и жемчужин, известная как «Три брата», и «большое роскошное украшение из золота», которое называли «Зеркало Великой Британии». Сама принцесса несколько подпортила торжественность церемонии, ударившись в приглушенное хихиканье, в конце концов перешедшее в громкий смех. Должно быть, ее переполнили чувства. Король на следующий день посетил новобрачных и поинтересовался, с каким результатом они провели время в своей великолепной кровати. Считается, что Шекспир включил в четвертый акт «Бури» представление маски, чтобы отметить это бракосочетание.

Приближался момент и более зловещей свадьбы. В середине апреля 1613 года сэра Томаса Овербери заключили в лондонский Тауэр. На первый взгляд это событие казалось неожиданным, поскольку Овербери был близким другом и наперсником королевского фаворита виконта Рочестера. Однако поговаривали, что Овербери арестовали, когда король

посчитал для себя «позором, если общество будет думать, что Рочестер управляет королем, а Овербери управляет Рочестером».

Но было и еще кое-что. Рочестер влюбился в молодую графиню Эссекс, Фрэнсис Говард, но ему мешал тот неприятный факт, что леди уже семь лет была замужем за Робертом Деверё, 3-м графом Эссекс. Она вышла замуж совсем юной и теперь сожалела о раннем замужестве. В любом случае оба супруга никогда не хотели этого брака. Имея перед собой перспективу союза с Рочестером, Фрэнсис ухватилась за шанс на свободу. Она потребовала объявить брак недействительным на том основании, что граф Эссекс физически неспособен зачать ребенка. Ее отец Томас Говард, 1-й граф Саффолк, с энтузиазмом встал на ее сторону. Брак дочери с фаворитом короля мог только поднять его и так уже высокое положение при дворе.

Граф Эссекс, естественно, оскорбился тем, что его мужское достоинство поставили под сомнение, особенно потому, что это могло повлиять на его шансы найти другую жену. В итоге было объявлено, что, хотя у Эссекса не сложилась жизнь в первом браке, он не страдает болезнью, которая могла бы помешать ему жениться снова. Чтобы провести экспертизу, учредили официальную комиссию, и, как большинство официальных комиссий, она пошла самым простым путем.

Король выступал за развод, не в последнюю очередь чтобы порадовать виконта Рочестера. Когда Фрэнсис Говард за-

явила, что импотенция мужа, возможно, стала следствием колдовства, Яков опять ее всецело поддержал: разве он сам не написал трактат о колдовстве? Архиепископ Кентерберийский выступил против. Однако Яков тщательно подобрал состав комиссии. Чтобы подтвердить вступление в супружеские отношения, один священник спросил Эссекса, «имел ли он влечение и эрекцию, производил ли наложение, введение полового члена и семяизвержение». Слушания были полны, по словам современника, «неприличными словами и действиями». Присяжные в составе двенадцати замужних женщин осмотрели и саму леди Фрэнсис, чтобы засвидетельствовать, девственница ли она. На протяжении всей процедуры лицо леди закрывала плотная вуаль, и люди заподозрили, что ее место занимала настоящая девственница. Развод, конечно, дали, согласно пожеланиям монарха. В обществе это дело широко обсуждали и сурово осудили.

Здесь в интриге появляется сэр Томас Овербери. Как близкому другу Рочестера ему совсем не нравилась идея этого брака, несомненно, еще и потому, что из-за процесса Говарда он мог потерять друга при дворе. Когда показалось, что Овербери может знать какой-то постыдный секрет о Фрэнсис Говард, вмешался король. Он предложил Овербери стать одним из королевских посланников в России, чтобы просто удалить его из Англии. Овербери отказался принять это назначение, и его отправили в Тауэр. Несмотря на плохое здоровье, был отдан приказ содержать Овербери в изоляции

без прогулок, пока не состоится свадьба. Таким, по крайней мере, казалось, был план.

Однако Фрэнсис Говард имела другое мнение: она решила убить Овербери еще до того, как тот выйдет из Тауэра. У нее была сообщница, миссис Тёрнер, дама, весьма искушенная в применении ядов. У миссис Тёрнер имелся слуга Ричард Вестон, которого посредством связей или подкупа назначили тюремщиком заключенного. Рочестер часто посылал Овербери вино, пирожные с фруктами и мармелад. Предполагалось, но не доказано, что яд добавили в сладости. Более вероятно, что при попустительстве Вестона беднягу медленно травили небольшими дозами серной кислоты, или «купоросным маслом». Каким бы ни был способ убийства, Овербери умер в начале осени 1613 года. Похоронили его в Тауэре. Джон Чемберлен написал, что «этого несчастливца почти никому не жаль, даже друзья говорят о нем с полным безразличием». По свидетельствам современников, при дворе царила тишь да гладь: разговоры шли о масках, банкетах и предстоящих свадьбах аристократов.

26 декабря Фрэнсис Говард и Роберт Карр, в предыдущем месяце получивший титул графа Сомерсета, сочетались браком. Прошло четыре месяца после смерти Овербери, и не возникло никаких подозрений в злодеянии, могущих потревожить их супружеское счастье. Новая графиня Сомерсет появилась на венчании со спадающими на плечи длинными волосами в качестве символа ее девственности, как говори-

ли тогда, «вышла замуж в собственных волосах». Среди собравшихся в придворной церкви присутствовали король и архиепископ Кентерберийский, новобрачных задарили богатыми подарками. Однако достаточно скоро разоблачение их поступка вызовет самый крупный скандал за все время правления Якова I.

Наступило время созывать новый парламент. Этого требовало тяжелейшее положение королевских финансов: все правительственные ведомства остро нуждались в деньгах: послам не платили жалованья, мольбы моряков королевского флота тоже оставались без ответа, даже военные укрепления страны находились в аварийном состоянии. Члены Тайного совета давали многочисленные предложения и рекомендации, как поправить дело, но ситуации они не спасали. Окружавшая короля знать решила обеспечить возвращение в парламент кандидатов двора. Их стали называть «поручителями», однако подозрения по поводу деятельности поручителей привели к тому, что немногие избиратели проявляли готовность прислушиваться к их советам. Они направили письма в разные города и регионы, но эта практика получила название «упаковки». Избиратели желали видеть в парламенте новых людей, не запятнанных никакими связями с королевским двором, и в итоге две трети представителей в палате общин были избраны в первый раз. Королю это не сулило ничего хорошего.

Яков открыл работу парламента 5 апреля 1614 года примирительной речью, обещавшей улучшение положения в стране, но содержащей и ходатайство об увеличении государственных доходов. Общины предпочли проигнорировать королевское обращение и вместо того высказали претензии, что «поручители» нарушили свободу выборов и полномочия парламента. Депутаты не желали голосовать за ассигнования королю, а поставили под вопрос королевскую прерогативу взимать «импозиции» – специальные налоги на импорт и экспорт товаров. Через три дня Яков произнес вторую речь и призвал парламент к любви: он желал выказать свое чувство к подданным, палате же общин надлежало подтвердить преданность своему монарху. Однако в палате общин наблюдалось взвинченное и категоричное настроение, депутаты свистели и язвили. Член палаты Кристофер Невилл заявил, что придворные – это «спаниели для короля, но волки для народа». Никогда еще парламент не был таким необузданным. Его сравнивали с площадкой для петушиных боев и местом травли медведей, депутатов называли «ревущими парнями», уличными хулиганами.

Когда депутаты отказались следовать приказу Якова обсуждать только государственные доходы, король немедленно распустил парламент, а пять парламентариев заключил в лондонский Тауэр. Эта парламентская сессия продолжалась менее трех месяцев, и ни один билль не получил санкции монарха. Соответственно, второй парламент Якова VI остал-

ся в истории под названием «Протухший». Следующий со- звали только через семь лет.

Королю не предоставили ассигнований, и он, нуждаясь в дополнительных доходах, придал активности переговорам о заключении династического брака и с Испанией, и с Франци- ей; обеим странам предлагался Карл, принц Уэльский. Тем не менее дела подобного рода делаются нескоро, и Яков тем временем обратился в Сити за крупной ссудой. Сити отказал на том бесспорном основании, что корона не вызывает дове- рия. Государственным казначеем теперь назначили Томаса Говарда, графа Саффолка. Он сразу начал добывать деньги всеми доступными средствами, к примеру наложил взыска- ния на все новые строения, возведенные в пределах 11,3 ки- лометра от Лондона.

Во время роспуска парламента несколько епископов и крупных землевладельцев передали в сокровищницу бри- танской короны Тауэра лучшие образцы своего столового се- ребра для продажи, и король решил, что их примеру должна последовать вся страна. Таким образом, он затребовал «доб- ровольные пожертвования» от каждого графства и всех го- родков страны. Однако результаты не радовали. Один дво- рянин из Мальборо, Оливер Сент-Джон, отказался отпра- влять королю деньги, основываясь на том, что «добровольное пожертвование» противоречит Великой хартии вольностей. Против него возбудили дело в суде Звездной палаты¹⁰ и по-

---

¹⁰ Звездная палата (полное название Court of Star Chamber) – с XV в. тайный

садили в Тауэр. В конце концов его приговорили к штрафу в 5000 фунтов стерлингов и тюремному заключению в соответствии с желанием короля.

В отсутствие парламента все взоры обратились ко двору как главному центру событий. Ключевую роль по-прежнему играл королевский фаворит граф Сомерсет. В 1614 году его назначили лорд-камергером, и он находился в постоянном контакте с королем. Через его руки проходила переписка с британскими послами в зарубежных странах и другими важными фигурами, к тому же он контролировал обширный механизм патронажа, который служил двигателем жизни при дворе. Однако через женитьбу Сомерсет породнился с Говардами, и эта связь принесла ему враждебность большого числа придворных. Широко распространились толки, что влияние на короля одного человека ненормально и нежелательно.

Пришло время предложить королю другого ставленника привлекательной наружности. Летом 1614 года Якову представили молодого человека двадцати двух лет. Джордж Вильерс, сын небогатого дворянина, уже имел опыт жизни при дворе и преуспел в искусствах танца и фехтования. Кроме того, он три года провел во Франции, где усовершенствовал свои манеры и украсился званием «самого статного мужчи-

---

высший королевский суд, который без присяжных рассматривал дела о наиболее тяжких преступлениях. В зале Вестминстерского дворца, где заседал этот суд, потолок украшен позолоченными звездами.

ны во всей Англии». К тому же он имел могущественных союзников, в их числе архиепископа Джорджа Эббота и королеву. Эббот поддерживал его, надеясь ослабить влияние Сомерсета и Говардов, которые благоволили католической Испании. Королева, находившаяся под воздействием Эббота, настояла, чтобы ее муж проявил благосклонность к молодому человеку. Вильерса, соответственно, назначили королевским виночерпием, он постоянно сопровождал монарха, а весной 1615 года был посвящен в рыцарское достоинство как джентльмен спальни короля.

Сомерсет, видя возвышение соперника, протестовал. Его постоянные жалобы и дерзкие речи еще больше отдаляли короля, вынуждая Якова делать ему замечания. «Никогда не давай мне повода думать, что не уважаешь мое человеческое достоинство, – писал король, – и недооцениваешь мои качества (и пусть не окажется, что твоя прежняя любовь ко мне охладела)». Король упрекал Сомерсета за «излияния беспокойства, душевного волнения, неистовства и надменной гордыни», а также «продолжительный отказ от ласки и нежелание спать в моей комнате, несмотря на то что я сотни раз настоятельно просил тебя об обратном». Весьма странное письмо, обращенное повелителем к подданному и свидетельствующее о чрезвычайной близости, некогда существовавшей между ними.

Возможно, к этому времени Вильерс уже разлучил короля с Сомерсетом. Летом 1615 года Яков ездил в замок Фарнхем,

резиденцию епископа Винчестера. В этой поездке его сопровождал новый джентльмен при спальне. Впоследствии Вильерс спрашивал короля: «Теперь вы любите меня... сильнее, чем в Фарнхеме? Я никогда не забуду то время – там изголовье кровати не разделяло хозяина и его собаку». Воспоминание неоднозначное, как минимум свободное для любопытного толкования.

Сэр Фрэнсис Бэкон, анализируя жизнь двора короля Якова, однажды написал, что «все поднимаются к высокой должности по винтовой лестнице: при наличии противоборствующих партий хорошо бы примкнуть к кому-либо на этом пути». Сам Бэкон примкнул к Вильерсу. Он сказал ему, что королевскому фавориту следует «хорошо помнить об оказанном ему большом доверии. Фаворит, как бессменный часовой, постоянно находится на своем посту, чтобы предоставлять королю достоверную информацию».

Летом того года Сомерсет, понимая, что против него плетутся многочисленные интриги, подготовил себе амнистию за все совершенные и несовершенные проступки. Его враги говорили, например, что он присвоил себе некоторые королевские драгоценности. На заседании Тайного совета 20 июля король приказал лорд-канцлеру, самому Фрэнсису Бэкону, скрепить печатью эту амнистию «немедленно, поскольку таково мое желание». Бэкон пал на колени и попросил короля обдумать свое решение еще раз. «Я приказал вам утвердить амнистию, – сказал Яков, выходя из зала заседа-

ний Совета, – и вы это сделаете». Однако король, как всегда, испытывал сомнения и нерешительность. Королева и другие члены Совета выступали против решения, которое позволило бы Сомерсету оставить себе драгоценности и другие вещи, возможно украденные у короля, а это составило бы прискорбный прецедент. В конце концов Яков покинул Уайтхолл, не приняв определенного решения.

Это стало для Сомерсета началом конца. Ранней осенью 1615 года поползли слухи, что сэра Томаса Овербери в Тауэре отравили. Один из второстепенных сообщников, посыльный из аптеки, серьезно заболел и признался в участии в преступлении. Тайна заговора начала раскрываться мгновенно. Допросили лейтенанта Тауэра. Обнаружилось, что тюремщиком Овербери был назначен Ричард Вестон, затем выяснилось, что он служил у миссис Тёрнер. Теперь след вел прямо к Фрэнсис Карр, графине Сомерсет, и ее мужу.

Король, не на шутку встревоженный поворотом событий, могущих задеть честь престола, поручил лорду – главному судье Эдварду Кокку выписать ордер на арест Сомерсета. Сомерсет явился к Якову высказать протест против такого оскорбления его имени и семьи. «Нет, парень, – воскликнул король, – если Кок посылает за *мной*, я должен идти». Полагали, что он добавил, когда бывший фаворит удалился: «Черт тебя побери, мы больше никогда не увидимся, милый».

Кок провел тщательное расследование и в итоге доложил

королю, что Фрэнсис Карр в прошлом использовала колдовство и для отстранения бывшего мужа, графа Эссекса, и для привлечения нового любовника. Кроме того, Кок выяснил, что она добыла три разных вида яда для отравления Овербери.

24 мая 1616 года графиня Сомерсет стояла перед большим жюри в Вестминстере, вся в черном, только воротник и манжеты платья были из белого батиста. В суде зачитали несколько ее писем, по всей видимости непристойного характера. Когда толпа зрителей подалась вперед, чтобы рассмотреть приведенные в них магические символы и изображения, с деревянного помоста послышался сильный «треск». Мгновенно люди уверились, что сам дьявол явился в суд, а этим шумом проявил свой гнев от разоблачения его уловок. Последовала паника и неразбериха, которую не могли успокоить в течение четверти часа. В воздухе XVII столетия по-прежнему витали ведьмы и демоны.

Графиня признала себя виновной в убийстве, вероятно понимая, что король всегда проявлял милосердие к членам аристократических фамилий. Ее муж явился в суд на следующий день и заявил, что невиновен в преступлении, но ему не поверили. Мужа и жену приговорили к смертной казни. По приказу короля казнь отменили, вместо того их поместили в Тауэр, где они провели почти шесть лет. Разоблачение их обмана и предательства, их распутства и лицемерия еще больше подорвало авторитет двора и самого короля, по-

сколько они когда-то были его близкими друзьями. Миссис Тёрнер, приговоренная к смертной казни за свое участие в отравлении, сказала о придворных короля: «Большинство из них не знает истинной веры, а только злобу, гордыню, распутство и радость от грехопадения других. Двор настолько безнравственное место, что я удивляюсь, почему земля еще не расступилась, чтобы поглотить его».

В начале весны того года престолонаследник Карл в саду Гринвичского дворца «в шутку» облил Вильерса из водосточной трубы. Фаворит сильно обиделся. Король тут же в редком для него проявлении гнева надрал сыну уши, восклицая, что у него «злбный и упрямый характер». Теперь монарх называл Вильерса «Стини» – ласкательно-уменьшительным вариантом от имени святого Стефана, потому что те, кто видел изображения этого святого, утверждали, что лицо Вильерса напоминало лик ангела. Вскоре ангелоликий Стини возьмет в свои руки управление страной.

6. Лондонские испарения

Наиболее яркое и убедительное описание Лондона времен короля Якова I можно найти в памфлете «Семь смертных грехов Лондона», опубликованном в 1607 году. Это произведение (нечто чуть большее, чем просто памфлет) написано Томасом Деккером всего за семь дней, и в нем присутствует вся живость и непосредственность, характерные для стремительного сочинения. Сам Деккер был драматургом и памфлетистом сомнительной репутации и вел жизнь, о которой почти ничего не известно, правда, в этом отношении он мало отличается от большинства литераторов своего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.